

Алпатов В. М. Русская латиница Н. Ф. Яковлева / В. М. Алпатов // Научный диалог. — 2015. — № 3 (39). — С. 8—28.

УДК 003.349.3.034:003.344

Русская латиница Н. Ф. Яковлева

© Алпатов Владимир Михайлович (2015), доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук, директор Института языкознания РАН (Москва), v-alpatov@ivran.ru.

Рассматривается концепция «латинизации русского алфавита», разработанная в 1929—1930 гг. коллективом ученых под руководством видного советского языковеда Николая Феофановича Яковлева. Предлагалось перевести русский язык на латинский алфавит как наиболее распространенный в мире. Ученые исходили из распространенного в 1920-е годы представления о скорой мировой революции, которая сметет все государственные и национальные рамки, что потребует единства систем письма. Проект, подготовленный ими, с научной точки зрения заслуживает одобрения. В статье характеризуются научные принципы, положенные в основу проекта, приводятся соответствия между графическими знаками кириллического и латинского алфавитов. Отмечается, что проект не учитывал естественное для грамотных людей сопротивление необходимости переучиваться, а также не соответствовал политической ситуации в СССР того времени, когда уже не думали о мировой революции и происходило укрепление централизованного государства, укреплялась роль русского языка и его атрибутов, главным из которых была кириллица. Характеризуется политическая конъюнктура того времени: по решению Политбюро при личном участии И. В. Сталина работа по латинизации русского языка была прекращена и более не возобновлялась.

Ключевые слова: кириллица; латиница; советский языковед Н. Ф. Яковлев.

1. «Ликвидировать клин»

Все мы знаем, что русский язык уже много веков неразрывно связан с кириллическим письмом, которое многими народами воспринимается как «русское письмо». Латинскими буквами русские слова если иногда и записываются, то лишь во вспомогательных целях: при дублировании надписей в помощь иностранцам, иногда в сети Интернет и пр. Но был исторический момент, когда в нашей стране всерьез ставился вопрос о переходе на латинское письмо.

В начале 1930 года видный советский языковед Николай Феофанович Яковлев (1892—1974) опубликовал статью «За латинизацию русского алфавита». Он писал: «Территория, занятая русским языком в пределах Союза, остается пережитком русификаторской деятельности царских миссионеров — распространителей православия <...> Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между странами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции, и странами Западной Европы, где мы имеем национально-буржуазные алфавиты на той же основе. Таким образом, на этапе строительства социализма существующий в СССР русский алфавит представляет собой безусловный анахронизм, — род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада <...> Неизбежно должен наступить момент, когда содержание перерастает форму, трансформировавшийся базис опрокидывает устаревшую надстройку. В этот момент никакие частичные изменения графической формы алфавита уже не помогут, никакая форма орфографии уже не спасает <...> Сейчас должен быть создан новый алфавит — алфавит социализма» [Яковлев, 1930, с. 35—36]. К статье прилагался проект «алфавита социализма» для русского языка [Там же, с. 216—218], разработанный на латинской основе научным коллективом под руководством Яковлева.

Современный читатель может не во всем понять смысл приведенной цитаты; например, что такое «латинский алфавит Октябрьской

революции»? Поэтому нужно кратко рассмотреть принципы языковой политики в СССР в то время.

После революции в стране в противовес царской национально-языковой политике, в основном сводившейся к русификации, был взят курс на развитие всех наций и всех их языков, включая самые малые. Считалось, что каждый гражданин страны должен на своем родном языке овладеть вершинами мировой культуры, литературы, науки. Однако явным препятствием для этого было недостаточное развитие многих языков: из них одни вообще не имели письменности, другие использовали письмо, которое, как тогда считалось, не соответствовало новым условиям (в частности, арабское). Тогда в СССР полагали, что достаточно для каждого языка в стране создать хорошую письменность и установить литературную норму и все будут на родном языке читать Шекспира и Ленина. Работа по созданию алфавитов и норм получила название языкового строительства. Ученые-лингвисты высокой квалификации, среди которых одно из ведущих мест с самого начала занимал Н. Ф. Яковлев, конструировали письменности для десятков языков.

Языковым строительством в СССР руководил Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА), существовавший в 1925—1937 гг. в Баку, затем — в Москве. Комитет возглавляли видные азербайджанские коммунисты: сначала С. А. Агамали оглы, а после его смерти в 1930 году Г. М. Мусабеков (роль Азербайджана определялась тем, что эта республика первой в государстве взяла курс на латинизацию). Непосредственно конструированием алфавитов занималась входившая в состав комитета Технографическая комиссия во главе с Яковлевым. В издании ВЦКНА «Культура и письменность Востока» и появилась в 1930 году его статья.

Одной из проблем, стоявших перед комитетом, был выбор системы письма. Арабский или старый монгольский алфавиты были неприемлемы политически. Однако в те годы не пользовались популярностью и кириллица, ассоциировавшаяся с национальным угнетением царского времени. Другой крупнейший лингвист, также активный участник

языкового строительства Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938) писал в 1923 году: «Эпоха — недоброй памяти — русского колонизаторства оставила такую ненависть в турецких (тюркских. — В. А.) народах (сужу по туркестанским) к русификации и ее орудию — миссионерским русским транскрипциям, что само напоминание о русском шрифте болезненно, как тревожащее недавние раны от национального гнета; и потому попытки отстаивать (для каких-либо теоретических соображений) возможность пользоваться русской транскрипцией отнюдь нельзя рекомендовать. На II съезде узбекских работников просвещения, который главное внимание уделял вопросу узбекской графики, ни одного голоса не было слышно в пользу русского шрифта» [Поливанов, 1923, с. 4].

Оставался латинский алфавит, который тогда часто называли «алфавитом революции». Это был самый распространенный в мире алфавит и единственный алфавит, не имевший тогда ассоциаций ни с одним конкретным языком (привычка связывать его с английским языком появится позднее), он был политически наиболее нейтрален. А тогда многие еще ждали мировой революции, и предлагалось даже создать всемирный язык, на котором можно было бы в будущем говорить с рабочими всего мира; об этом, в частности, мечтал академик Н. Я. Марр. Первым этапом на пути к созиданию такого языка казалось внедрение единого мирового алфавита, которым, разумеется, мог быть только латинский. Н. Ф. Яковлев, принявший революцию, несмотря на дворянское происхождение, ставил вопрос о латинизации, исходя из этого. Был и дополнительный аргумент, который часто использовали: в те же годы в Турции, для которой годы правления Кемаля Ататюрка (1923—1938) характеризовались интенсивной европеизацией культуры, перешли от арабского алфавита к латинскому.

В результате в 20-е гг. и в первой половине 30-х гг. велась очень активная работа по созданию новых алфавитов, исключительно на латинской основе. Большая их часть конструировалась Технографической комиссией ВЦКНА (лишь для языков народов Севера существовал отдельный центр в Ленинграде). Всего, как будет перечислять Н. Ф. Яков-

лев в самом конце этой деятельности, был создан 71 такой алфавит [Яковлев, 1936, с. 29]. А председатель ВЦКНА в том же году писал, что алфавиты, созданные после революции, используют 68 народов численностью более 25 млн человек [Мусабеков, 1936]. Итог впечатлял. Но среди этих языков не было русского, а также украинского и белорусского. Для Яковлева, и в 1930 году сохранявшего прежние представления, казалось необходимым ликвидировать образовавшийся «клин»¹.

К моменту публикации статьи, процитированной выше, уже несколько месяцев работала специальная подкомиссия по латинизации русского письма во главе с Яковлевым. Она была образована в ноябре 1929 года при Главнауке Наркомата просвещения (Наркомпроса). Создание комиссии произошло при активном содействии наркома А. В. Луначарского, что стало одним из последних его мероприятий: в том же месяце он (к тому времени последний остававшийся на своем месте член первого советского правительства) был снят. Подкомиссия, тем не менее, продолжала работу и в январе следующего года представила свой результат — три варианта русской латиницы, сразу же опубликованные в виде приложения к статье Яковлева.

В комиссию, помимо ее председателя, входили видные специалисты разного профиля. Это были, в частности, хорошо образованные лингвисты нового поколения, постоянные сотрудники Яковлева Л. И. Жирков, А. М. Сухотин, работавший в ВЦКНА просветитель народа коми В. И. Лыткин, известный специалист по книгопечатанию и оформлению книги М. И. Щелкунов, инженер-полиграфист, три профессора-русиста. Правда, самый видный из этих профессоров А. М. Пешковский стал единственным из членов подкомиссии, кто не подписал итоговый документ (в отличие от его коллег

1 О латинизации 20—30-х гг. говорилось в телепередаче по каналу «Культура» 3 апреля 2013 года, в которой участвовал и автор данной статьи. Не могу согласиться с точкой зрения ведущего передачи, согласно которой латинизация русского языка планировалась сверху. Русская латиница была собственной инициативой ученых, занимавшихся языковым строительством, а позиция большинства представителей власти к тому времени стала иной (см. ниже). Еще в более крайнем виде идея о навязывании латиницы для русского языка властью «большевиков» проведена в передаче «Код Кирилла» («Россия-1», 24 мая 2013 г.).

Н. М. Каринского и С. И. Абакумова). Комиссия учитывала не только идеологические, но и научно-практические аргументы; выясняли, например, какое пространство на бумаге экономит латинский шрифт сравнительно с кириллицей и насколько лучше он читается.

Члены подкомиссии, безусловно, были высококлассными в своих областях специалистами, и проект, если его рассматривать с чисто научной точки зрения, совсем не плох. Разберем его содержание.

2. Как была устроена латиница Яковлева

Три варианта латиницы различались начертанием некоторых знаков (в основном различия обуславливались практическими причинами: разными возможностями наборных касс и др.), но основывались на одних и тех же научных принципах (далее примеры будут приводиться в варианте, наиболее близком по начертанию букв к алфавитам западных языков).

Можно отметить два важных принципа, положенных в основу проекта. Во-первых, в проекте последовательно учитываются только те звуковые различия, которые необходимы для смысловоразличения и осознаются носителями языка (в лингвистике такие различия именуются фонологическими). Н. Ф. Яковлев был наряду с Н. Трубецким и Р. Якобсоном основателем структурной фонологии и постоянно применял свои теоретические положения на практике (трое ученых дружили со студенческих лет и имели сходные научные взгляды, но затем Трубецкой и Якобсон эмигрировали, а принявший революцию Яковлев остался на родине). Во-вторых, проект комиссии стремился, насколько возможно, сохранять написания, привычные для людей, использующих русскую кириллицу. Так, например, необходимая для русского письма передача мягкости согласных производилась так же, как в кириллице: через различия букв для гласных; в связи с этим надо было включить в алфавит и аналог мягкого знака. Сохранялась и привычная для русского письма «окающая» орфография.

В следующей таблице даны соответствия между кириллическими буквами и знаками латиницы Яковлева.

Таблица

Русская кириллица	Латиница Яковлева
а	a
б	b
в	v
г	g
д	d
е	jē — в начале слова и после гласных, e — после согласных
ё	jō — в начале слов и после гласных, ö — после согласных
ж	z
з	z
и	i
й	j
к	k
л	l
м	m
н	n
о	o
п	p
р	r
с	s
т	t
у	u
ф	f
х	x
ц	ç
ч	c
ш	š
щ	sc
ъ	j
ы	y
ь	j
э	e
ю	jū — в начале слов и после гласных, ÿ — после согласных
я	ja — в начале слов и после гласных, ä — после согласных

Можно специально не обсуждать очевидные решения (*a* — *a*, *б* — *b* и др.). Рассмотрим лишь более сложные случаи. Проект последовательно исходит из положения: «один звук — одна буква». Не допускаются ни диграфы вроде *sh*, *ch* для передачи одного звука, ни буквы, соответствующие двум звукам, вроде излишнего латинского *x* (эта буква соответствует в проекте единому звуку, обозначаемому в кириллице буквой *x*); например, английская фамилия *Хаксли* будет, по Яковлеву, писаться *Xaksli*. По этой же причине кириллическим буквам *ѐ*, *ю*, *я* там, где они обозначают два звука (в начале слова и после гласных), соответствуют у Яковлева две буквы — *j* + гласная буква; так, слово *яма* предлагалось записывать как *jama*. Спорный случай — *щ*: Яковлев считал (хотя существует и иная точка зрения), что здесь два звука (две фонемы), поэтому этой кириллической букве соответствовали две латинские.

Диакритики в отличие от диграфов в проекте допускались. Авторы в данном его варианте учитывали наличие соответствующих литер в типографских наборах для известных иностранных языков, включая новый турецкий алфавит. Диакритические буквы предпочли и в качестве соответствий буквам *ѐ*, *ю*, *я* там, где они передают мягкость предшествующего согласного. То, что эти буквы в тех латинских алфавитах, где они есть (например, *ä* в немецком), могут иметь иные значения, авторам проекта казалось некоторым недостатком, поэтому в двух других вариантах латиницы Яковлева соответствующие звуки писались иначе, но и вышеприведенный вариант допускался как приемлемый и не требовавший отливать новые литеры.

Особые проблемы составляют обозначения звука *ы* и йота (*й*): они всегда представляют сложность при использовании латиницы для русского языка. Для большинства языков, пользующихся латиницей, буква *y* оказывается лишней, совпадая по значению с буквой *i*, но для некоторых языков она используется иначе, в том числе и для обозначения йота. Однако в данном проекте она используется только как соответствие *ы*. А йоту соответствует буква *j*. И в то же время эта

же самая латинская буква соответствует и другой русской букве — мягкому знаку в случае, когда он обозначает мягкость предшествующего согласного. Но два предложенных значения этой буквы никогда не смешиваются: в кириллице буква *й* бывает только после гласных и (редко) в начале слова, а *ь* после согласных. Здесь проявился общий подход Н. Ф. Яковлева и его сотрудников, всегда стремившихся к минимизации количества букв. Чуть раньше Яковлев опубликовал известную статью «Математическая формула построения алфавита» [Яковлев, 1928], в которой новаторская фонологическая теория служила обоснованием арифметической формулы, позволявшей сократить количество букв.

Что касается других «лишних» латинских букв, то буква *c* соответствует кириллическому *ч*, а три буквы *h*, *q*, *w* в проекте вообще не используются.

Некоторым отступлением от общих принципов выглядит у авторов проекта передача звука *e*. Как известно, в русской кириллице буква *е* после согласной буквы в большинстве случаев одновременно указывает и на мягкость предшествующего согласного подобно буквам *ё*, *ю*, *я*; для передачи того же звука после твердых согласных употребляется особая буква *э*. Однако в заимствованных словах (*дельта*, *теннис* и пр.) нередко *е* пишут и там, где предшествующий согласный произносят твердо. К тому же буква *е* в русской кириллице встречается много чаще, чем *э*. Поэтому авторы проекта сочли возможным не вводить особую латинскую букву *ě* (которая к тому же ассоциировалась бы с иной по значению кириллической буквой *ё*) и писать *e* во всех случаях. Это решение уменьшало число букв и больше соответствовало русским привычкам ценой некоторого увеличения омонимии: *мер* (от *мера*) и *мэр* одинаково предлагалось писать как *mer*. Другой пример роста омонимии, более расходящийся с орфографическими привычками, составляло упразднение не связанного с произношением мягкого знака после шипящих на конце слова: *рож* и *рожь* предлагалось писать одинаково (*roz*). Наконец, согласно про-

екту твердый знак объединялся с мягким в соответствующей функции и не допускался какой-либо аналог замены *ё* на *е*: слово *лёд* писалось как *löd*, но не как *led*, а *ноёт* как *pojot*, а не как *pojet* или *poet*.

В качестве примера того, как применяется латиница Яковлева, запишем ею два предложения: *Программа развития малых языков СССР обычно не встречала прямого противодействия. Однако для её реализации имелось два препятствия*. «По Яковлеву» они будут выглядеть так: *Programma razvitija malyh jazykov SSSR obyčno ne vstrečala protivodejstvija. Odnako dlä jejo realizačii imelosj dva prepätstvija*.

Какие-то решения здесь спорны, но в целом проект научно проработан и разумен. Любопытно было бы сопоставить его с другими вариантами латинизации русского языка, однако для времени, близкого к появлению данного проекта, мне неизвестны какие-либо другие развернутые системы. Разве что до нас дошла всего одна фраза, записанная в книге виднейшего советского китаиста тех лет академика В. М. Алексеева, посвященной предполагавшейся тогда, но тоже не осуществившейся латинизации китайского языка [Алексеев, 1932]. Алексеев предполагал, что в будущем вслед за китайским языком по этому же пути пойдет и русский, и сочинил такую запись известного предложения из басни И. А. Крылова (воспроизведя его не совсем точно): *Lisicy gdeta box paslal kusochy syra* [Там же, с. 159].

Очевидно, что В. М. Алексеев исходил из иных соображений, чем комиссия Яковлева. Он полностью отвлекался от кириллической орфографии и не думал о фонологии, пытаясь не всегда точно произвести фонетическую запись (нечто вроде сильно упрощенной фонетической транскрипции). Отмечу и иные отличия от проекта Яковлева: принятие им диграфов (*ch* для передачи *ч*, как в английском языке) и использование в некоторых случаях кириллических букв (*ы*)¹.

1 В. М. Алексеев считал, что кириллица, не имея по внеязыковым причинам шансов для китайского языка, чисто лингвистически для него лучше латиницы, поскольку имеет буквы *ш* и *ы* [Алексеев, 1932, с. 68].

3. Гибель проекта

Латиница Яковлева, безусловно, была научно продуманной в отличие от любительских идей В. М. Алексеева (который, впрочем, не высказывал их всерьез и не предлагал к внедрению). Она лучше и тех способов записи русских слов латинскими буквами, которые сейчас используются, например, в Интернете, обычно более ориентированных на звукопредставления носителей английского, а не русского языка. Но политически проект в обстановке 1930 года был не ко времени.

Впрочем, у него были сторонники, прежде всего все тот же А. В. Луначарский. Уже перестав быть наркомом, он выступил со статьей в двух газетных номерах, где восторженно отозвался о проекте [Красная газета..., 1930, 6 января; Там же, 7 января]. Луначарский при этом рассказал о своих разговорах с В. И. Лениным в первые годы после революции. По его словам, Владимир Ильич говорил о необходимости перевода русского языка на латинский алфавит, но не сейчас, а «в более спокойное время, когда мы укрепим».

Не знаем, что на самом деле говорил Ленин (нигде более это высказывание не зафиксировано), однако все было скорее обратно тому, о чем говорил А. В. Луначарский. Если бы латинизацию русского письма провели сразу после революции, эта мера могла бы иметь шансы на успех: осуществилась же в те же годы латинизация в Турции. В период всеобщей коренной ломки, отказа от всех прежних ценностей, вероятно, мог бы осуществиться отказ и от кириллицы. Но тогда разработанных проектов русской латиницы не было, и ограничились реформой русской орфографии, проект которой был составлен еще в 1904 году, но так и не осуществлен в царское время.

Теперь же время было другое сразу в двух отношениях. Во-первых, новый общественный строй к 1930 году уже сложился, а в такой обстановке ломать традиционные представления и привычки бывает трудно. Вопрос смены системы письма, кроме политических и культурных аспектов, имеет и психологические: людям

никогда не хочется без крайней необходимости или очень сильной мотивации снова фактически садиться за парту. Как отмечали сотрудники ВЦКНА, «когда меняется алфавит, огромное количество населения на определенное время становится неграмотным» [Революция..., 1937, с. 66]. И перейти на новую письменность тем труднее, чем больше на языке имеется литературы и чем более развита письменная традиция на соответствующем языке. Легче было перевести с одного письма на другое языки малых народов СССР с невысоким тогда процентом грамотных, а с русским языком все было сложнее. Недаром не удалась уже в 60-е гг. реформа русской орфографии, с чисто научной точки зрения также вполне обоснованная. Там, кстати, имелись некоторые общие с латиницей Яковлева решения (например, предлагалось не писать мягкий знак после шипящих). Но носителям русского языка в спокойное время очень уж не хотелось изменять привычки. А в наши дни вовсе не радикальные предложения академического Института русского языка по уточнению русской орфографии (например, писать *параишт*) были восприняты массовым сознанием как «покушение на русский язык».

Но, во-вторых, в 1930 году еще существеннее была политическая составляющая. Идеалистические априорные рассуждения о том, что в СССР «гражданином мира можно стать и без посредства русского языка» [Алексеев, 1932, с. 54], свойственные 20-м гг. и иногда звучавшие даже в начале 30-х гг., не соответствовали реальным процессам в государстве. Курс на построение социализма в одной стране, провозглашенный в 1925 году, отказ от идеи скорой мировой революции, разгром троцкизма вели к укреплению государства, в котором преобладающим языком был русский. Это в области языковой политики способствовало повышению роли русского языка и его атрибутов, главным из которых была кириллица. Н. Ф. Яковлев и его сотрудники (как и А. В. Луначарский) не были троцкистами, но жили еще старыми представлениями. Иначе на это смотрел И. В. Сталин, который когда-то (в 1917—1922 гг.), возглавляя Наркомат по делам наци-

ональностей, проводил прежнюю национально-языковую политику в стране. Теперь же на первый план в языковой политике постепенно выходило всеобщее распространение русского языка. Мог влиять и еще один фактор: смена письменности для столь крупного языка была бы очень затратным мероприятием (замена надписей, вывесок, документов и пр.), а деньги были нужны на индустриализацию.

Новое руководство Наркомпроса передало вопрос на рассмотрение Политбюро. На его заседании 1 марта 1930 года под председательством И. В. Сталина было принято постановление, о котором долго ничего не было известно, оно лишь недавно опубликовано в 17-м, дополнительном томе собрания сочинений Сталина [Сталин, 1997, с. 510—511]. Постановление прекращало любую дальнейшую деятельность по реализации проекта и по латинизации русского языка вообще.

После этого уже нельзя было и обсуждать проект подкомиссии Яковлева, о котором потом много лет умалчивали. В РГБ (б. Библиотека им. Ленина) из всех выпусков издания «Культура и письменность Востока» штампы, свидетельствующие о передаче книги в спецхран, имеет только № 6, где печатался этот проект (к 1983 году, правда, номер уже не был в спецхране). Никаких репрессивных мер по отношению к разработчикам проекта, впрочем, не последовало; те из них, кто работал в ВЦКНА, продолжали там свою деятельность.

Однако идея реформы русского письма не была еще оставлена, хотя ее сторонники, потерпев неудачу с радикальной латинизацией, согласились в качестве первого этапа на «частичные изменения графической формы алфавита», которые Яковлев раньше отвергал. Только на этот раз в роли разработчика выступал не сам Наркомпрос (новый нарком А. С. Бубнов выполнял решение Политбюро), а образованный при нем Научно-исследовательский институт языкознания (НИЯЗ). Туда из ВЦКНА перешел ученик и сотрудник Яковлева А. М. Сухотин, вместе с ним в разработке нового проекта участвовали молодые сотрудники института, впоследствии из-

вестные лингвисты П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, Р. И. Аванесов, а также А. А. Реформатский (сам Яковлев участия в новой разработке не принимал). П. С. Кузнецов впоследствии писал в воспоминаниях: «В 1931—1932 гг. Институтом совместно с рядом других организаций была осуществлена подготовка проекта реформы русской орфографии <...> В ней последовательно был проведен фонематический принцип, опирающийся на фонологические отношения <...> В целях устранения букв, обозначающих сочетания двух фонем, был введён *j*» [Кузнецов, 2003, с. 208]. Под буквами, обозначающими сочетания двух фонем, имеются в виду *я*, *ю*, *ё* в словах вроде *яма*. Это слово предлагалось писать не *jama*, как в предыдущем проекте, а *јама*. Как позже вспоминал А. А. Реформатский, среди московских лингвистов «даже существовал анекдот, где говорилось: «Какой идиот придумал йот? Это — кретин Сухотин!» [Реформатский, 2004, с. 22—23]. Но П. С. Кузнецов раскрывает главную цель подобных нововведений, о которых в те годы уже прямо не писали: «Проект предполагался лишь как временная мера, но имеющая в виду дальний прицел — переход в дальнейшем на письмо на латинской основе» [Кузнецов, 2003, с. 208].

Летом 1932 года появилась статья о проекте в «Вечерней Москве». В его окончательном виде предлагалось, в частности, заменить букву *и* на взятую из латинского алфавита (или из кириллического украинского?) букву *i* и вообще упразднить букву *э* (никакого специального эквивалента для нее не предполагалось и в латинице Яковлева). П. С. Кузнецов пишет: «Проект был слишком радикален и в конце концов не прошел» [Там же]. Автор воспоминаний не мог знать, что не прошел он также по решению Политбюро от 1 июля 1932 года, принимавшемуся под председательством Сталина по докладу начальника Главнауки И. К. Луппола [Сталин, 1997, с. 515—516]. Теперь всякая работа, которая могла рассматриваться как направленная в сторону латинизации русской письменности, становилась окончательно невозможной.

И в 1930, и в 1932 году создание новых алфавитов на латинской основе еще продолжалось, а цели и задачи советской языковой политики, казалось, оставались прежними. Но наложенный И. В. Сталиным запрет на латинизацию русского языка обозначил предел всей языковой политики 20-х гг. — начала 30-х гг., направленной на разрыв с дореволюционными традициями и развитие максимально большого числа языков. Ни русский, ни украинский, ни белорусский язык не перешли на латинскую письменность, а через несколько лет начнется всеобщий переход с латиницы на кириллицу и многих других языков. Сначала — в Кабарде в 1935 году, затем пришла очередь языков народов Севера, а с 1937 года провозгласили перевод на кириллицу каждого языка, получившего ранее латинский алфавит. В основном процесс завершился перед самой войной. Латинский алфавит в СССР использовался после этого лишь для литовского, латышского, эстонского и финского языков, однако он для них употреблялся уже давно. «Алфавиты революции», конструировавшиеся Н. Ф. Яковлевым и его сотрудниками, вышли из употребления, а идея стать «гражданином мира», не зная русский язык, к которой благосклонно относился академик В. М. Алексеев, уже не высказывалась. Сейчас в образовавшихся после распада СССР независимых государствах возврат к латинскому письму осуществлен (Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, Молдавия) или планируется (Казахстан, Киргизия), но без учета материала языкового строительства в 1920—1930-е гг. (для тюркских языков ориентируются, прежде всего, на турецкую орфографию).

Нелегко сложилась и судьба главного автора «алфавитов революции» Н. Ф. Яковлева (кстати, деда ныне широко известной писательницы Л. С. Петрушевской). Он (в отличие от Е. Д. Поливанова) избежал репрессий и прожил долгую жизнь, но уже с конца 30-х гг. его место в советской науке становилось периферийным, а после выступления И. В. Сталина против Н. Я. Марра он в 1951 году был уволен со всех мест работы. Его объявили «не разоружившимся марри-

стом», хотя, идя на компромисс с марризмом по некоторым вопросам, он в алфавитной деятельности был независим от Марра и выступал против некомпетентных вмешательств академика в языковое строительство. В итоге Н. Ф. Яковлев психически заболел. Его научные идеи жили, конкретный материал использовался, в печати его работы оценивались высоко, но многие ссылавшиеся на него языковеды не знали, жив ли Яковлев или нет (о судьбе Н. Ф. Яковлева см. [Алпатов, 2012]).

4. Заключение

После неудачи двух вышеописанных проектов более полувека вопрос о латинизации русского языка никем не поднимался и вряд ли кому-либо приходил в голову. При новой смене общественного строя в стране и развале СССР, когда вновь стали считать, что «гражданином мира можно стать и без посредства русского языка», латинизация превратилась в актуальную проблему для многих языков распавшейся страны. Однако в отличие от Узбекистана или Молдавии в России «процесс не пошел», а русский язык не перешел от кириллицы к латинице, официальные решения на этот счет не принимались, и даже существенной реформы орфографии не случилось.

Однако призывы перейти на латиницу (как и призывы отменить «большевистскую» орфографию) время от времени раздаются. Отмечу здесь позицию члена-корреспондента РАН этнографа С. А. Арутюнова. В начале 90-х гг. он писал: «Думается, что постановка вопроса об общем возвращении неславянских языков России к латинице была бы сегодня уместна и желательна» [Арутюнов, 1992, с. 112], но к 2001 году он уже приравнял славянские языки ко всем остальным: «Всеобщий переход на латиницу – неперемнное цивилизационное требование общемировых процессов глобализации. И если Россия хочет идти в ногу с прогрессивным миром, хочет быть частью Европы, Россия должна полностью перейти на латинский алфавит, и рано или поздно она к этому придёт»; если же какой-то народ России осу-

шествит латинизацию раньше русских, то «будет опережать русский народ в своём цивилизационном развитии» [Арутюнов, 2001]. Аргументация С. А. Арутюнова похожа на аргументацию Н. Ф. Яковлева, только вместо классов и революции — цивилизация и глобализация.

Такие идеи имеют хождение, о желательности смены системы письма говорят не только специалисты. Автор этой статьи в начале 2000-х гг. после своего выступления на конференции на данную тему был атакован молодой журналисткой, которая заявила: «У нас же все будут рады латинизации!». Потом она поняла, что сказала слишком категорично, и слегка поправилась: «Ну, старшее поколение, может быть, и не всё, а молодежь, конечно, вся!». В ответ на мои слова о том, что если на латиницу не перешли в 1991 году, то тем более не смогут перейти сейчас, она ответила: «А если бы тогда перешли, мы бы, может быть, сейчас жили совсем иначе!». Вся такая проблематика, как можно видеть, легко мифологизируется.

С. А. Арутюнов считает, что переходу русского письма на латиницу мешает лишь «идея русской великодержавности», которую именует «вредной идеей, реакционной» [Там же]. Но с такой оценкой великодержавности не согласятся очень многие, а против латинизации, кроме того, действуют и многовековые привычки и традиции десятков миллионов грамотных носителей русского языка. По сравнению с временами Н. Ф. Яковлева современная политическая ситуация стала совсем иной, однако психологические факторы, и тогда не способствовавшие латинизации, не только полностью сохранились, но усилились в связи со значительно выросшим уровнем образования.

Упомянувшийся выше лингвист В. Н. Сидоров говорил о реформе орфографии: «Я в этом отношении более двойственный. Я — внутренне — я не хочу, чтобы мне ничего этого не ломали. Но я просто знаю, что я как лингвист не имею права занимать такую позицию» [Отцы и дети..., 2004, с. 127]. Ученый стремится рационализировать орфографию, но ему же как «нормальному» носителю языка хочется, «чтобы ничего не ломали».

Даже при нынешней власти латинизация вряд ли реальна. Однако это не означает, что латиница Яковлева может иметь лишь исторический интерес. Упомянутые в начале статьи вспомогательные функции латинского алфавита достаточно существенны, а определить здесь строгие правила необходимо. Сейчас нет, например, даже общепринятой передачи средствами латинского алфавита мягкого знака (нередко его вообще опускают). Так что вспомнить наиболее научно разработанный из всех существующих способ записи русского языка латинским алфавитом¹, может быть, стоит.

Литература

1. *Алексеев В. М.* Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация / В. М. Алексеев. — Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1932. — 178 с.
2. *Алпатов В. М.* Дважды умерший / В. М. Алпатов. — В кн. : Алпатов В. М. Языковеды. Востоковеды. Историки / В. М. Алпатов. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — 374 с.
3. *Алпатов В. М.* О латинизации русского языка / В. М. Алпатов // Микроязыки. Языки. Интеръязыки : сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / ред. А. Кюннап [и др.] ; Тартуский университет, кафедра славянской филологии. — Tartu : Tartu Ülikool, 2006. — С. 271—279. — (ISBN 9949-11-444-6).
4. *Арутюнов С. А.* Всеобщий переход на латиницу неизбежен / А. С. Арутюнов // Независимая газета. — 2001. — 7 августа. — № 143 (2453).
5. *Арутюнов С. А.* Малочисленные народы России : оптимизация межнациональных отношений / А. С. Арутюнов // Этнополис. — 1992. — № 1. — С. 107—113.
6. *Красная газета.* — Ленинград. — 1930. — 6 января.
7. *Красная газета.* — Ленинград. — 1930. — 7 января.
8. *Кузнецов П. С.* Автобиография / П. С. Кузнецов // Московский лингвистический журнал. — 2003. — № 7 (1). — С. 156—255.
9. *Мусабеков Г.* Победы нового алфавита / Г. Мусабеков // Литературная газета. — 26 января. — 1936.
10. *Отцы и дети Московской лингвистической школы : памяти Владимира Николаевича Сидорова* : сборник статей. — Москва : Ин-т русского языка РАН, 2004. — 402 с.

¹ Подробнее о латинице Яковлева см.: [Алпатов, 2006].

11. *Поливанов Е. Д.* Проблема латинского алфавита в турецких письменностях : по поводу нового якутского алфавита, азербайджанской азбуки jenijol и узбекского алфавита, санкционированного 2-м Съездом Узб. раб. просвещения) / Е. Д. Поливанов. — Москва : Нар. Ком. Нац. ин-т востоковедения в Москве, 1923. — 20 с. — (Серия турецких языков, вып. III).
12. *Революция и национальности.* — 1937. — № 3. — С. 66.
13. *Реформатский А. А.* Воспоминания о Володе Сидорове / А. А. Реформатский // Отцы и дети Московской лингвистической школы : памяти Владимира Николаевича Сидорова : сборник статей. — Москва : Ин-т русского языка РАН, 2004. — С. 20—24.
14. *Сталин И. В.* Сочинения : т. 17 / И. В. Сталин. — Москва : Научно-консультативный совет ЦК, 1997. — С. 510—511.
15. *Яковлев Н. Ф.* За латинизацию русского алфавита / Н. Ф. Яковлев // Культура и письменность Востока : кн. 6. — Баку ; Москва : [б. и.], 1930. С. 27—43.
16. *Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) / Н. Ф. Яковлев // Культура и письменность Востока : кн. 1. — Баку ; [б. и.], 1928. С. 41—64.
17. *Яковлев Н. Ф.* О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов / Н. Ф. Яковлев // Революция и национальности. — 1936. — № 2. — С. 25—38.

Russian Roman Alphabet by N. F. Yakovlev

© **Alpatov, V. (2015)**, Doctor of Philology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of RAS Institute of Linguistics (Moscow), v-alpatov@ivran.ru.

The idea of "Romanization of the Russian alphabet", developed in 1929—1930 in a team of scientists led by prominent Soviet linguist Nikolay Feofanovich Yakovlev is considered. It was offered to turn the Russian language into the Roman alphabet as the most common in the world. Scientists came from the widespread in the 1920s idea of the forthcoming global revolution that would sweep away all the state and national borders, which will require the unity of writing systems. The project prepared by them is commendable from a scientific point of view. The article characterizes the scientific principles

underlying the project; the correlations between the graphic characters of the Cyrillic and Roman alphabets are given. It is noted that the project did not take into account the natural resistance of literate people to the need to relearn, and it did not correspond to the political situation in the USSR at the time when one did not think about the world revolution and the centralized state was strengthened, therefore the role of the Russian language and its attributes, main of which was Cyrillic alphabet, was strengthened. The political situation of the time is characterized: on the resolution of the Politburo with the personal participation of Stalin the work on Romanization of the Russian language was stopped and was no longer renewed.

Key words: Cyrillic alphabet; Roman alphabet; Soviet linguist N. F. Yakovlev.

References

- Alekseev, V. M. 1932. *Kitayskaya iyeroglificheskaya pismennost' i yeye latinizatsiya*. Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russ.).
- Alpatov, V. M. 2012. Dvazhdy umershij. In: Alpatov V. M. *Yazykovedy. Vostokovedy. Istoriki*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.).
- Alpatov, V. M. 2006. O latinizatsii russkogo yazyka. *Mikroyazyki. Yazyki. Interyazyki*. Tartu: Tartu Ülikool. 271—279. (ISBN 9949-11-444-6). (In Russ.).
- Arutjunov, S. A. 2001. Vseobshchiy perekhod na latinicu neizbezhen. *Nezavisimaya gazeta*. 7 avgusta. 143 (2453). (In Russ.).
- Arutyunov, S. A. 1992. Malochislennyye narody Rossii : optimizatsiya mezhnatsional'nykh otnosheniy. *Jetnopolis*, 1: 107—113. (In Russ.).
- Kuznetsov, P. S. 2003. Avtobiografiya. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*, 7 (1): 156—255. (In Russ.).
- Musabekov, G. 1936. Pobedy novogo alfavita. *Literaturnaya gazeta*. 26 yanvarya. (In Russ.).
- Polivanov, E. D. 1923. *Problema latinskogo alfavita v turetskikh pismennostyakh: po povodu novogo yakutskogo alfavita, azerbaydzhanskoy azbuki yeni yol i uzbekskogo alfavita, sanktsionirovannogo 2-m Syezdom Uzb. rab. prosveshcheniya*. Moskva: Nar. Kom. Nac. in-t vostokovedeniya v Moskve. (In Russ.).
- Reformatskiy, A. A. 2004. Vospominaniya o Volode Sidorove. *Ottsy i deti Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly: pamyati Vladimira Nikolayevicha Sidorova: sbornik statey*. — Moskva: In-t russkogo yazyka RAN: 20—24. (In Russ.).
- Stalin. I. V. 1997. Sochineniya. Moskva: Nauchno-kons. sovet TsK, 17: 510—511. (In Russ.).

- Yakovlev, N. F. 1928. Matematicheskaya formula postroyeniya alfavita (opyt prakticheskogo prilozheniya lingvisticheskoy teorii). *Kul'tura i pismennost' Vostoka: kn. 1*. Baku, [b. i.]. 41—64. (In Russ.).
- Yakovlev, N. F. 1930. Za latinizaciyu russkogo alfavita. *Kul'tura i pismennost' Vostoka: kn. 6*. Baku; Moskva: [b. i.]. 27—43. (In Russ.).
- Yakovlev, N. F. 1936. O razvitii i ocherednykh problemakh latinizacii alfavitov. *Revolyuciya i natsional'nosti*, 2: 25—38. (In Russ.).